

Молодая ведьма сжала ее руку, когда она протянула ей его. Гермiona смотрела на нее расширенными глазами.

"Три дня", - сказала девушка.

"Что я тебе только что сказал", - прорычал Долохов.

Гермиона посмотрела на Долохова, который стоял в единственном дверном проеме, вытянув палочку. Молодая ведьма прикусила губу. Старшая ведьма стояла спиной к комнате.

Три дня. А что потом?

Гермиона сглотнула. Два больших глотка. Мятное.

Когда девушка забрала у нее бутылку, Долохов сказал: "И еще. Заклинание". Пальцы девушки задрожали.

"Для нее?" Юная ведьма обернулась через плечо и уставилась на Долохова.

Он приподнял бровь. "Она ведь мадблад, не так ли?"

"Но..." Девушка посмотрела на нее.

Гермиона наблюдала за ее борьбой, не в силах спросить, что происходит, пока они говорили о ней.

"В чем проблема?"

"Разве это не было бы... огромным расточительством, сэра?"

Старшая ведьма не обернулась, а продолжила писать на своей карте.

"При каких обстоятельствах нам может понадобиться ее плодовитость?"

Тяжелый камень упал в ее желудок. Она опустила взгляд на свои руки. Они стерилизовали всех магглорожденных.

"Предполагается, что она очень умная. Очень талантливая. Эти гены могли бы..."

"Она грязнокровка. Произнесите заклинание", - окончательно приказал Долохов.

В животе у нее заурчало. Она не хотела детей. Не в таком состоянии. И не с одним из них.

"Я бы хотел поговорить об этом с мистером Якли. Он ее холдер, и я думаю, что он..."

"Вы не подчиняетесь прямому приказу?" Долохов выступил вперед.

Гермиона закрыла глаза. Она не хотела рожать детей от Долохова. Она должна была радоваться, что он с ней заодно. Но стерилизация была такой постоянной. Как будто будущее было предрешено. Как будто нельзя было изменить ничего из того, что с ними произойдет.

"Да, сэра. Да."

Открыв глаза, она увидела молодого медиума, стоявшего между ней и Долоховым. Пожилая женщина повернулась, поджав губы.

Долохов рассмеялся. А затем быстро сказал: "Круцио".

Гермиона вздрогнула, когда девушка упала. Комната была слишком мала для ее криков.

"Я сделаю это". Другая женщина шагнула вперед, доставая свою палочку. Долохов отпустил девушку, и она, задыхаясь, упала под ноги Гермионе.

Старшая ведьма перешагнула через свою партнершу и встала перед Гермионой с твердым выражением лица. "Ложись на спину".

Гермиона не стала сопротивляться. Ей нужно было беречь силы для сражений, которые имели значение. Она не могла использовать беспалочковую магию в течение трех дней. Она не могла физически превзойти кого-то. И не имея ни одной из этих возможностей, она также не могла их перехитрить.

Откинувшись на спинку кресла, она наблюдала, как медиум проводит палочкой по животу Гермионы и кладет руку ей на талию, чтобы прижать к столу.

Гермиона сглотнула. Палочка закрутилась над ее левым боком, и прозвучало заклинание.

Она вспомнила маленькие пальчики на руках и ногах. Мальчик с лохматыми каштановыми волосами на ее коленях, корпящий над книгой.

Внутри неё что-то зашевелилось. Что-то разрывало ее. Ее ноги подкосились, горло сжалось от беззвучного вдоха боли. Она уставилась в потолок, когда старшая ведьма переместилась на правый бок.

Ее фаллопиевы трубы были перерезаны.

Палочка постукивала у ее правого бедра, когда старшая ведьма склонилась над ней, загораживая Долохова от взгляда. Ей показалось, что она видит яркий бант, завязанный на закрученных локонах.

Палочка снова дернулась. С ее ресниц скатилась слеза.

И тут рука на животе Гермионы зажала плоть на бедре между двумя ногтями.

Она подпрыгнула, ноги свело судорогой. Если бы у нее был голос, она бы закричала. Гермиона растерянно посмотрела на старшую ведьму. Зачем это было нужно?

Женщина отстранилась, проведя рукой по животу Гермионы, и повернулась к Долохову. "Все кончено".

Но внутреннего разреза не было. Не с правой стороны.

Долохов усмехнулся, и старшая женщина подняла девушку с пола. Долохов протянул ей чистую одежду Гермионы и велел быстро одеваться. Медиумы делали пометки в своих бумагах, не поднимая глаз.

Гермиона даже не беспокоилась о взгляде Долохова, пока одевалась. Она наблюдала за женщинами.

Она наблюдала за женщинами, которые встали на защиту Пожирателя смерти, чтобы дать Гермионе Грейнджер шанс на будущее. Пожилая женщина встретила её взгляд, когда Долохов

выводил её за дверь. Он прошептал ей на ухо что-то о том, что будет оплакивать тех шавок, которые у них могли бы родиться.

Он вернул ее в комнату для задержанных, и Гермиона даже не вздрогнула, когда его рука провела по ее заду. В голове у нее все кружилось. Единственное оружие, которое у нее оставалось.

"Гермиона!"

Дверь с лязгом закрылась. Пятьдесят девушек поднялись на ноги. Даже Пэнси смотрела с любопытством.

Джинни протиснулась вперед, обнимая ее, прикасаясь к ней, задавая ей вопросы, на которые она не могла ответить.

"Гермиона?" Джинни спросила, когда та замолчала.

Она поднесла пальцы к горлу и покачала головой. Она смотрела, как опускаются глаза Джинни. Наблюдала, как Чо хмурится. Наблюдала, как комната, полная девочек, осознает, что у Гермионы Грейнджер отняли ее бодрый голос.

Полумна шагнула вперед. "Ты ранена, Гермиона?"

На губах Полумны заиграла улыбка. Она покачала головой.

Ей не нужно было, чтобы они знали что-то большее.

Была ли половина этих девочек стерилизована? Пощадили ли медиумы остальных?

И для чего это нужно, если ее просто продадут и изнасилуют? Зачем старшей ведьме беречь пятьдесят процентов ее шансов?

Из-за угла послышался вздох. Несколько человек повернулись и увидели, что девушка лет четырнадцати начинает плакать. У нее началась гипервентиляция. Пенелопа Клируотер подошла к ней и обхватила ее руками, требуя, чтобы она дышала.

"Что... что мы... что мы будем делать?" - плакала девушка. "Она не могла... Она не смогла выбраться".

Гермиона медленно вдохнула и посмотрела вдаль. В толпе она обнаружила Салли Фосетт, по лицу которой текли беззвучные слезы.

Пэнси закрыла глаза, откинула голову на стену и глубоко вдохнула.

Джинни закружилась по комнате. "Эй. Это... это не конец. У нас есть время".

Кто-то еще начал фыркать. Застонала девочка на руках Пенелопы.

И Гермиона поняла, что они должны знать. Она должна была рассказать им.

Она огляделась в поисках чего-нибудь, чем можно было бы писать. Ничего острого, чтобы вырезать. Ничего похожего на мел.

Единственное, что у них было, - это фрукты.

Она подошла к корзине. Огромная миска с виноградом. На это уйдет время, но это не помешает.

Она поставила чашу в центр комнаты и начала срывать виноград с лозы.

Она вспомнила крики маленькой медички. О том, как она шагнула к ней, прежде чем та упала на пол.

Гермиона произнесла это по буквам, как могла.

Глаза пухлой женщины - холодные и отстраненные, даже когда она помогала ей. Ничего не выдавали. Ее расчетливый взгляд, когда они с Долоховым вышли из комнаты.

Луна подошла к ней, встала рядом и стала наблюдать.

Она увидела, как к винограду приблизились еще ноги, ожидая, когда она закончит.

Лоза была почти голая, и Гермиона подумала о Лидии Бакстер, которую она никогда не встречала до сегодняшнего дня. Она подумала о Парвати и о том, как темноволосая девушка копировала ее записи на уроках Чародейства.

Она закончила с правописанием. Осталась одна виноградина, и в конце она поставила точку. Как будто это был факт.

Она стояла и смотрела вниз, позволяя пятидесяти девочкам облепить ее, чтобы прочитать то, что Золотая девочка хотела им сказать.

Не одна.

<http://erolate.com/book/4319/155144>